

УДК 811.111-26

DOI: 10.18384/2310-712X-2015-4-30-38

Воробьева М.П.*Московский педагогический государственный университет***ИНТЕРДИСКУРСИВНЫЕ СМЫСЛЫ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ
СУДЕБНОЙ КОММУНИКАЦИИ**

Аннотация. Статья посвящена изучению проблемы интердискурсивности профессиональной судебной коммуникации на материале текстов судебных прений Верховного суда США. В работе уточняется понятие интердискурсивности; выявляется его отличие от интертекстуальности; выделяются и анализируются компоненты конфликтной, аргументативной и оценочной дискурсивных систем; исследуются представленные в них термины и типы знания; подчёркивается значимость изучения интердискурсивных особенностей для комплексного осмысления интенций говорящих. Выявлено, что анализируемые смыслы сосредоточены, главным образом, в структурах специального юридического знания, представленных правовой терминологией.

Ключевые слова: судебная коммуникация, интердискурсивность, интертекстуальность, правовой конфликт, аргументация, оценочность, типы знания.

M. Vorobyeva*Moscow State Pedagogical University***INTERDISCURSIVE MEANINGS OF ENGLISH-SPEAKING
COURTROOM COMMUNICATION**

Abstract. The article is devoted to the problem of interdiscursivity of professional courtroom communication. Oral discussions in the Supreme Court of the USA are used as the material of the analysis. The notion of interdiscursivity is clarified; interdiscursivity is differentiated from intertextuality; elements of conflict, argumentative and evaluative discourse systems are defined and analyzed; terms and types of knowledge represented in them are investigated; significance of studying interdiscursive features for comprehensive understanding of communicants' intentions is highlighted. It is concluded that analyzed meanings are concentrated mainly in the structures of special legal knowledge presented by legal terms.

Key words: courtroom communication, interdiscursivity, intertextuality, legal conflict, argumentation, evaluation, types of knowledge.

Судебная коммуникация – важнейший инструмент органов правосудия по урегулированию общественных отношений внутри страны и поддержанию статуса правового государства, и в этом мы усматриваем её социальную и институциональную значимость. Этот

вид профессиональной коммуникации ведётся с соблюдением установленных законодателем процессуальных норм и при помощи специального языка права.

Для воздействия на участников судебной коммуникации, в том числе судей, которые обязаны сохранять объективность в правовом споре,

профессиональные участники коммуникации применяют разнообразные стратегии и тактики, привлекают информацию из различных сфер деятельности, вкладывают в свои высказывания скрытые смыслы. Всё это находит отражение в языке. Выявление соотношения между явными и завуалированными смыслами становится возможным при обращении к лингвистической категории интердискурсивности, которую Г.В. Прокофьев называет «связующим звеном между основным сообщением и скрытым (выраженным имплицитно)» [6, с. 79].

Цель настоящей статьи – изучить интердискурсивные особенности судебной коммуникации, что подразумевает выявление основных дискурсивных элементов и способов их актуализации на языковом и ментальном уровнях. При этом выявляется многообразие смыслов, привносимых коммуникантами для реализации воздействия в процессе общения. Интерпретация смыслов судебной коммуникации осуществляется с учётом когнитивных особенностей речемыслительной деятельности человека. Материалом исследования послужили тексты судебных прений Верховного суда США.

Категория интердискурсивности привлекала и продолжает привлекать внимание зарубежных и отечественных лингвистов. Во французской традиции анализа дискурса уделяется внимание зависимости значения от ситуации и условий его толкования. Дискурс рассматривается как «социально-историческая ткань» коммуникации [8, с. 36], в которой содержатся компоненты «другого» [3, с. 54], то есть фрагменты высказываний иных рече-

вых актов, нетипичных для данного вида коммуникации, которые влияют на неоднозначность общего смысла.

Как утверждают М. Пешё и К. Фукс, элементы иных дискурсов сходной и различной тематики не изолированы, так как постоянно возникают новые и предшествующие смыслы, значения и знания из различных речевых актов и сфер человеческой деятельности. Учёные используют термин «интердискурс» (от латинского *inter* «между, среди, взаимно» + *discourse*), подразумевающий взаимопроникновение и взаимообогащение смыслами различных дискурсов в ходе их взаимодействия [5, с. 121].

Интердискурсивность, по мнению Н. Пьеге-Гро, определяется как «гетерогенность, основополагающая для любого акта высказывания. Высказывание определяется не как замкнутое на себе целое, но как подвижное множество» [7, с. 108]. При этом речевой акт в процессе актуализации сопоставляется со всем тем, что было услышано или сказано ранее, а дискурс трактуется как «подвижная» единица, границы которой нечётко определены.

По утверждению Ю.С. Степанова, дискурс – это «язык в языке» [9, с. 38]. В понимании Н.Ф. Алефиренко любой дискурс интердискурсивен, а интердискурсивность представляет собой «внешнее окружение, в котором формируется и производится дискурс» [1, с. 118]. Совокупность внешних и внутренних факторов формирует среду существования дискурса, оказывает влияние на вербализацию смыслов.

Понятие дискурса в когнитивно-дискурсивной парадигме научного знания раскрывается через структуры представления знаний. Л.А. Манер-

ко связывает интердискурсивность с «вычленением отдельных динамических систем, в рамках которых можно обнаружить сходные и различные черты и отношения между элементами» [2, с. 111]. Изучение особенностей «переклечения» разновидностей дискурса в рамках судебного позволяет проследить за «взаимодействием различных систем знания, культурных кодов» [10, с. 227] и стратегий убеждения, используемых коммуникантами.

В нашем исследовании интердискурсивность рассматривается как категория лингвоментального уровня, в которой при помощи «когнитивных переключений» для реализации интенций говорящих активизируются когнитивные модели и образующие их структуры знаний разного типа из различных дискурсивных систем. Интердискурсивность отличается от интертекстуальности тем, что последняя предполагает «эксплицитное воспроизведение в языковой ткани чужих слов и высказываний» [4, с. 137] в форме аллюзий, косвенной речи и цитат, которые в новом контексте подвергаются переосмыслению для реализации авторских замыслов. Она не учитывает когнитивные механизмы функционирования разнообразных совмещаемых фрагментов смысла.

Правовая коммуникация, протекающая в судебном дискурсе, представляет собой единое лингвоконцептуальное пространство, в которое при помощи когнитивных связей и для достижения общей цели (убеждения суда в истинности своей позиции по делу) интегрированы структуры знания различных концептуально-смысловых систем. Судебный дискурс включает в себя компоненты конфликтного, ар-

гументативного и оценочного дискурсов, каждый из которых воплощает в себе различные типы знания (лингвистическое, экстралингвистическое, обыденное и специальное юридическое), актуализируемые на лексическом и стилистическом уровнях языка. Лексический уровень предполагает использование терминов из других областей научного знания. Стилистический означает использование нетипичных для судебной коммуникации стилистических приёмов, заимствованных из других дискурсов.

Рассмотрим отрывок из текста судебных прений Верховного суда США и выявим, каким образом различные виды дискурса сочетаются и взаимодействуют между собой в речевой деятельности. Отрывок взят из материалов дела по исковому спору двух сельскохозяйственных организаций, занимающихся выращиванием пищевых и кормовых культур и производством семян. Компания-истец, *Monsanto Company*, специализируется на выращивании генно-модифицированных продуктов, а компания-ответчик, *Geertson Seed Farms*, – на органически чистых продуктах.

Судебная тяжба началась в 2006 г., когда компания *Geertson Seed Farms* (в то время истец, а ныне ответчик), при поддержке *Centre for Food Safety* (Центра безопасности продуктов питания), объединения фермеров по выращиванию органически чистых продуктов питания, компаний по производству натуральных продуктов питания, объединений по защите окружающей среды, фермеров по выращиванию риса и генеральных прокуроров из трёх штатов возбудили иск против департамента сельского хозяйства США, в связи с

тем, что последний, по их мнению, не должен был давать разрешение на выращивание генно-модифицированной люцерны (GM alfalfa) в этих штатах из-за опасности нанесения непоправимого экологического вреда производителям органически чистой люцерны.

В 2007 г. иск был удовлетворён с принятием постановления в отношении департамента сельского хозяйства о его обязанности принять нормативный акт, регулирующий спорные отношения между участниками сельскохозяйственной деятельности (an Environmental Impact Statement, EIS). Суд запретил продажу семян генно-модифицированных растений до тех пор, пока EIS не будет приведён в исполнение. Далее в дело вмешалась биотехнологическая компания-гигант *Monsanto*, занимающаяся выращиванием генно-модифицированных растений, при поддержке фермерских объединений США, а также разнообразных торговых ассоциаций, которые возбудили встречный исковой процесс. Их требованием было признание незаконным, а также отмена запрета на выращивание в этих штатах генно-модифицированной продукции на период, в течение которого будут приведены к реализации положения вышеуказанного акта. Они обосновывают это тем, что не используют в своём производстве распылители особо вредного химического вещества *Roundup* (sprays of Roundup herbicide), тем самым не наносят непоправимого экологического вреда окружающей среде и близлежащим фермерским хозяйствам.

Дело было рассмотрено районным и Федеральным апелляционным судами, и в исковых требованиях компа-

нии *Monsanto* дважды было отказано. Однако истец просит направить материалы дела на рассмотрение в Верховный суд США, в полномочия которого входит разрешение гражданских дел в качестве высшей апелляционной инстанции, чтобы отстоять своё право находиться на производственном и торговом рынке. Ответчик *Geertson Seed Farms* настаивает на законности и целесообразности принятого решения. Мистер Роббинс (Mr. Robbins) в представленном отрывке выступает на стороне ответчика (respondent), компании *Geertson Seed Farms*. Chief justice Roberts является судьёй, председательствующим в судебной коллегии Верховного суда США (всего 9 человек) и назначается президентом. По определению словаря *Longman Dictionary of Contemporary English*, **chief justice** – *the most important judge in a court of law, especially of the US Supreme Court* [11, с. 219].

CHIEF JUSTICE ROBERTS: *The injunction is based on the vacatur. And so if they challenge the injunction, you can't say, well, they're not challenging the vacatur.*

MR. ROBBINS: *Well, I – I'm not sure that it's fair to say that the injunction is based on the vacatur. But I do want to – I do think, though, Mr. Chief Justice, that every appeal is from a judgment. I mean, that's more or less – excepting unusual circumstances, that's the only thing you can appeal.*

But if I were, for example, appealing a criminal conviction, a judgment of conviction entered and sentence, and I raised only evidentiary arguments, and I fail to raise the sufficiency of the evidence, I – I can't get a dismissal in the court of appeals, because I have – I've failed to raise an issue. And it will not avail me one whit to tell the court

of appeals, well, gosh, I appealed the judgment, and the sufficiency of the evidence is embedded in the judgment.

No. The way we appeal things in this country is we write sentences in our briefs about – we write questions presented; we present questions to this Court. And I will say that, although all manner of arguments have been smuggled under the tent through the camel's nose in this case, when I look at the questions presented in this case, you've got to really squint to find even some of the arguments they have made, much less this one, which they have not made [13, с. 49–50].

В анализируемом отрывке, проверяя законность и обоснованность вынесенного ранее решения на временный запрет осуществления предпринимательской деятельности истцом, судья председательствующий просит ответчика представить доводы относительно того, что оспаривает истец (**challenge** – *a refusal to accept that something is right or legal* [11, с. 207]) – судебный запрет на осуществление деятельности (**injunction** – *law or order given by a court which forbids someone to do something* [11, с. 732]) или аннулирование акта, разрешающего выращивание генно-модифицированной люцерны (**vacatur** – *order of court vacating a legal proceeding. Vacating means to say officially that (a legal judgment) is no longer valid* [12]). Судья выражает мнение о том, что запрет на осуществление деятельности основан на аннулировании принятого ранее акта, разрешающего подобную сельскохозяйственную деятельность. Представитель ответчика мистер Роббинс сообщает, что, с его точки зрения, не вполне целесообразно говорить о такой постановке вопроса. Обычно апелляция подаётся (**appeal** –

to make a formal request to a court or someone in authority asking for a decision to be changed [11, с. 51]), чтобы проверить обоснованность решения суда (**judgment** – *an official decision given by a judge or a court of law* [11, с. 765]). Соответственно, истец пытается оспорить именно решение суда о запрете на осуществление деятельности (**injunction**) и вернуть себе такое право. Представитель ответчика также утверждает, что при этом истец не имеет достаточных оснований для одобрения апелляции, так как не предоставляет достаточного количества доказательств (*fail to raise the sufficiency of the evidence*). Отвлекаясь от конкретного исследуемого дела, мистер Роббинс приводит пример, что если бы он апеллировал судебный приговор по уголовному делу (*appealing a criminal conviction*) и не смог бы сформировать достаточной доказательной базы (*sufficiency of the evidence*), то не смог бы рассчитывать на успех и получил бы отклонение иска (**dismissal** – *the act of not allowing a trial or legal case to continue, usually because there is not enough evidence* [14, с. 439]). Кроме того, подчёркивая то, что истцу нечем апеллировать в суде, мистер Роббинс привлекает внимание к правилам апелляции и говорит, что вопросы, которые стороны предполагают представить на обсуждение в заседании, сначала излагаются в письменном виде в специальных судебных письмах (*we write sentences in our briefs*). Письма (*briefs*) представляют собой изложенные на бумаге факты дела, сопровождающие позицию одной из сторон, которые будут представлены в суде. По определению словаря *Oxford Advanced Learner's Dictionary*, **brief** – *a written summary of the facts that support*

one side of a legal case, that will be presented to a court [14, с. 184]. Однако представитель истца не смог доказательно, аргументированно представить в суде того, что было заявлено в иске. Стараясь продемонстрировать абсурдность апелляции истца, мистер Роббинс использует стилистические приёмы, выходящие за рамки типичного для судебного дискурса официально-делового стиля общения. При помощи неформального восклицания *gosh*, передающего значение неподдельного удивления (*gosh – when people are surprised or shocked* [14, с. 671]), коммуникант делает противодействующей стороне замечание, намекая, что доказательную базу нужно продумывать до подачи апелляции, чтобы в зале суда не выразить глубокого изумления о недостаточности представляемых фактов. В речевом обороте *to really squint* наречие-интенсификатор *really* употреблено, чтобы придать большую выразительность глаголу *squint*, означающему 'зжмуриться, скосить глаза'. *Squint – to look at something with your eyes partly closed in order to see better* [11, с. 1396]; *to look in a different direction from the other eye* [14, с. 1486]. Таким образом, мистер Роббинс высказывает критику, отмечая, что, даже зажмурившись, едва ли можно найти в заявленном иске аргументы, которыми пытался апеллировать представитель истца в зале суда.

Компоненты конфликтного дискурса, на наш взгляд, занимают главенствующее место в судебной коммуникации. Правовой конфликт, как социальное столкновение субъектов права из-за нарушения законодательных норм, для урегулирования которого требуется вмешательство органов

правосудия, является отправной точкой и проходит сквозь всю судебную коммуникацию. Стороны судебного процесса являются коммуникативными и процессуальными оппонентами. Их мотивы и интересы заведомо конфликтны, а правовой статус изменяется в результате принятия судом решения по делу. Конфликтность судебной коммуникации находит отражение в речевых ходах. Представитель ответчика мистер Роббинс высказывает несогласие с председательствующим судьёй (*Well, I – I'm not sure that it's fair to say that... But I do want to – I do think, though, Mr. Chief Justice, that...*), критику в адрес истца (*... when I look at the questions presented in this case, you've got to really squint to find even some of the arguments they have made, much less this one, which they have not made*).

В конфликтном дискурсе отражены структуры специального юридического знания, представленного правовыми терминами. В семантике терминов заложены значения негативной оценки суда по отношению к осуществляемой деятельности, а также несогласия сторон с принятым судом решением по делу. К первой области значения относятся термины *criminal conviction, dismissal, injunction, sentence, vacatur*. Термин *criminal conviction* означает признание лица виновным в совершении уголовного преступления. *Criminal conviction – the act of finding somebody guilty of a crime in court; the fact of having been found guilty* [14, с. 336]. Осуждение в уголовном порядке подразумевает, что в ходе судебного процесса по уголовному делу был доказан факт совершения лицом общественно-опасного деяния, которое привело к наступлению общественно-опасных

последствий, а также была установлена причинно-следственная связь между ними. На этом основании суд, реализуя предоставленные ему государством и законом полномочия, выносит в отношении лица приговор (*sentence* – *a punishment that a judge gives to someone who has been declared guilty of a crime* [11, с. 1298]). Упомянутые ранее термины *dismissal* (отклонение иска), *injunction* (судебный запрет на осуществление какой-либо деятельности) и *vacatur* (аннулирование нормативного акта) используются, главным образом, в гражданском судопроизводстве. В них зафиксировано значение несоответствия акта или действия процессуальным, законодательным нормам и следующей из них меры наказания или восстановления нарушенных прав. Вторая область значения включает термины, отражающие неудовлетворённость сторон исходом судебного разбирательства. В этом случае участники судебного процесса могут воспользоваться правом на апелляцию (*appeal*) и, обратившись в апелляционный суд (*court of appeals*), попытаться оспорить (*challenge*) вынесенное решение.

Компоненты аргументативного дискурса выполняют функцию убеждающего речевого воздействия в зале судебного заседания. Методы логической аргументации основаны на тактически грамотной расстановке речевых ходов. Модель аргументации представителя ответчика в представленном контексте имеет четырёхуровневую структуру и наглядно может быть представлена следующим образом:

- (1) утверждение-несогласие;
- (2) тезис и пояснение тезиса;
- (3) довод-пример и довод-отсылка к процессуальным нормам;

(4) критика в адрес оппонента.

На первом уровне представитель ответчика, мистер Роббинс, не соглашается с мнением судьи (*Well, I – I'm not sure that it's fair to say that the injunction is based on the vacatur*). Этому способствует употребление словосочетаний *not to be sure* и *it's fair to say*, где *sure* и *fair* имеют оценочное значение и дают понять, что коммуникант не придерживается такой же точки зрения. После этого мистер Роббинс выносит тезис (*But I do want to – I do think, though, Mr. Chief Justice, that every appeal is from a judgment*). При помощи усилительной частицы *do* (*do want*, *do think*) он старается сделать акцент, особо выделить занимаемую им позицию. Пояснение тезиса представитель ответчика начинает с фразы *I mean*, где *mean* означает 'иметь в виду' (*I mean, that's more or less – excepting unusual circumstances, that's the only thing you can appeal*). Затем мистер Роббинс приводит ряд доводов, среди которых: пример, разъясняющий тезис (*But if I were, for example, appealing a criminal conviction...*); ссылка на процессуальный порядок подачи апелляции (*The way we appeal things in this country is...*). Завершается аргументация критикой противодействующей стороны относительно вопросов, представленных к рассмотрению в апелляционном порядке. На противоречивость того, о чём будет говорить коммуникант, указывает противительный союз *although* (*And I will say that, although...*). Приведённая в примере модель аргументации эффективна, так как она логически последовательна, структурирована, доказательна. Подобная расстановка аргументов придаёт речи обоснованность, упрочивает излагаемую в них позицию в глазах

суда и дискредитирует процессуально-го оппонента.

Структуры специального юридического знания в аргументативном дискурсе репрезентированы правовыми терминами *argument*, *evidence*, которые связаны с процессом судебного доказывания. Термин **argument** называет процесс доказывания или аргументации в суде (*a reason or set of reasons that somebody uses to show that something is true or correct* [14, с. 67]), в ходе которой стороны представляют доказательства / **evidence** (*the information that is used in court to try to prove something* [14, с. 524]) для обоснования своей позиции.

Присутствие в судебной коммуникации компонентов оценочного дискурса объясняется необходимостью изучения и интерпретации юридических фактов и доказательств по делу, необходимостью трактовки норм права и вынесения правовой оценки обстоятельствам дела. Оценка в судебной коммуникации основывается не на субъективных мнениях, идеологических или культурных стандартах, а на законодательных нормах. Компоненты оценочного дискурса представлены в судебной коммуникации с помощью оценочных концептов, которые воплощают в себе специальное юридическое знание, отображая принципы гражданского права, требования к доказательствам и т.д. Так, термин *judgment* – это не только решение суда, но и правосудие, как основное предназначение судебной системы в целом. В суд обращаются для того, чтобы законным путём добиться справедливости, выяснить истину, восстановить нарушенные права, добиться наказания виновных. Для одной из сторон правосудие оказывается благодетелем, для другой –

влечёт негативные последствия совершённых противоправных действий (*seems like a punishment for the things you have done wrong* [11, с. 765]). Оценочные категории в судебной коммуникации взаимодействуют и пересекаются с компонентами других выделенных дискурсивных систем. В терминологическом словосочетании *sufficiency of evidence*, означающем достаточность доказательств, первый элемент (*sufficiency*) представляет оценочную категорию (*an amount of something that is enough for a particular purpose* [14, с. 1534]), в то время как второй (*evidence*) мы связываем с аргументативностью. В совокупности они представляют собой важнейшее требование, предъявляемое к доказательствам.

Проведённый анализ убеждает, что судебная коммуникация интердискурсивна по своей природе. Типичные для конфликтного, аргументативного и оценочного дискурсов смыслы взаимодействуют в речи для реализации целей общения и связанных с ними интенций коммуникантов. Конфликтность предполагает выражение противодействующими сторонами несогласия и критики в адрес друг друга при помощи терминологических единиц, а также отображается в речевых ходах. Аргументативность базируется на стратегически грамотной расстановке тезиса и доводов и нередко дополняется оценочностью. Все виды дискурсов опираются на специальное юридическое знание и отражают важнейшие принципы и правила гражданского судопроизводства.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Алефиренко Н.Ф. Поэтическая энергия слова. Синергетика языка, сознания и

- культуры. М.:Academia, 2002. 394 с.
2. Манерко Л.А. Структуры знаний, представленные в художественном и академическом дискурсе // Вестник Московского университета. Сер. 22. Теория перевода. 2013. № 1. С. 100–118.
 3. Отье-Ревю Ж. Явная и конститутивная неоднородность: к проблеме другого в дискурсе / пер. с франц. И.Л. Микаэля, И.Б. Иткина // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса: сб. науч. ст. М.: Прогресс, 2002. С. 54–81.
 4. Пелевина Н.Н. Интердискурсивность научного и художественного текстов // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2008. Вып. 78. С. 137–143.
 5. Пешё М., Фукс К. Итоги и перспективы по поводу автоматического анализа дискурса // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса // Пер. с фр. и португ. / Общ. ред. и вступ. ст. и комм. П. Серию / Предисл. Ю.С. Степанова. М.: Прогресс, 1999. С. 105–123.
 6. Прокофьев Г.В. Категория интердискурсивности как средство организации медиадискурса // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2013. № 5 (133). С. 77–79.
 7. Пьерге-Гро Н. Введение в теорию интертекстуальности: Пер. с фр. / Общ. ред. и вступ. ст. Г.К. Косикова. М.: Изд-во ЛКИ, 2008. 240 с.
 8. Серию П. Как читают тексты во Франции: вступительная статья / пер. с франц. И.Н. Кузнецовой // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса: сб. науч. ст. М.: Прогресс, 2002. С. 12–54.
 9. Степанов Ю.С. Альтернативный мир. Дискурс. Факт и принцип причинности // Язык и наука конца XX века: сб. статей. М.: РГГУ, 1995. С. 35–73.
 10. Чернявская В.Е. Лингвистика текста: Поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность: учеб. пос. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 284 с.
 11. Longman Dictionary of Contemporary English, third edition. Longman Group Ltd, Pearson Education Limited, 2010. 1668 p.
 12. Merriam-Webster online dictionary. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.merriam-webster.com/dictionary/vacatur> (дата обращения: 20.04.2015).
 13. Monsanto Company vs. Geertson Seed Farms, No. 09-475. Washington, D.C. April 27, 2010.
 14. Oxford Advanced Learner's Dictionary (seventh edition) by A.S. Hornby, Colin McIntosh, Sally Wehmeier. Oxford University Press, USA, 2007. 1780 p.